

В детстве я хотел иметь собаку. Овчарку. Непременно немецкую. Я видел их довольно много в кино, парочка имелась и в нашей Деревне. Я хотел иметь свою. Ходить с ней гулять, дрессировать. Чтобы я шел с ней по улице, а на меня все смотрели. Чтобы она слушалась меня и мы друг друга любили.

До этого у меня уже была собака. Точнее, не у меня, а у нас, у семьи. Звали ее совершенно не героически—Тузик. Это была черная дворняга, средних размеров, прибившаяся к нашему двору. Предыдущая часть жизни Туза (я так называл нашего пса, пытаясь придать ему значимость, в первую очередь в своих собственных глазах) была не слишком сладкой—судя по всему, его крепко бивали и часто обижали. Первую неделю жизни у нас он сидел в своей будке и не выходил даже поесть. Он был так рад, что его никто не трогает, и поэтому еду мог за просто менять на покой.

Потом Тузик привык к нам и мы все привязались к нему, мне было лет девять-десять тогда. Я ходил с ним гулять—в лес и в поле. Я водил его на

веревке. Дома он сидел на цепи, а на ночь его отпускали, и он бегал во дворе или даже на улице, никого не трогая. Туз был очень умным, послушным и добрым. Но пережитое в прошлом почему-то навсегда отразилось на его морде. Говорят, что пережитая жизнь отражается на лице человека. Да, это так. Но собачья жизнь тоже отражается в собачьих глазах. Глаза этой черной дворняги были грустны уже навсегда.

Прошло несколько лет, и вот в одно обычное утро мама разбудила меня, села на край моей кровати и сказала, что Тузика убили. Ездили, отстреливали бродячих собак и нашего застрелили — рано утром, на улице, прямо возле ворот его дома. Мама предложила поплакать, чтобы стало легче, но я не смог. Мне не верилось. Нет, я понимал, что его застрелили, но я не верил, я не понимал.

Так всегда бывает. Между тем, когда тебе скажут, что кого-то близкого тебе уже нет, и тем, когда ты это поймешь и ощутишь потерю, всегда проходит какое-то время. Так было не раз. Когда мне исполнилось двадцать, и приехал человек и сказал, что мой отец умер, то первое что заполнило весь разум: «Этого не может быть». И даже когда через час я увидел его, как будто спящего, не было ощущения потери. И когда на следующий день его в гробу выносили из дома, где-то кольнуло, но не выжгло. Второй раз кольнуло, когда человек на кладбище после команды родным проститься с покойным дал команду

закрывать гроб и крышку с уже торчащими в ней гвоздями начали глухо, очень глухо заколачивать на место. И глубокая могила, с валяющейся в ней пустой, распитой и забытой копальщиками бутылкой.

Казалось, что все происходит как в ватном сне. Как не с тобой. И поминки в рабочей столовой, и водка, от которой не пьянеешь, и все эти люди, случайные или сочувствующие наблюдатели, какие-то родственники.

А потом, уже поздно вечером, когда все улеглось, когда в нашем доме остались одни близкие, заканчивалась уборка и начинали готовиться ко сну после тяжелого дня, в тихом месте у крыльца, в темноте, за пределом очерченного дворовым фонарем круга, я сел на маленькую переносную скамеечку. Я очень устал и сидел молча, глядя перед собой в темноту. И тут я понял, что сижу в том самом месте, на котором любил сидеть отец, что я сижу на его любимой скамеечке, которую он сам смастерил. И я отчетливо и ясно понял, что его больше нет. Физически ощутил это — место есть, скамеечка есть, я есть, а его нет и никогда больше не будет. Страшно чувствовать пустоту и черноту. И я начал плакать, тихо, медленно и молча. Мой восьмилетний племянник стоял рядом и увидел, что я плачу. Он пожалел меня, как умеют жалеть дети — начал гладить меня по голове. Тоже молча. Так я сидел на скамеечке, опустив голову, и молча плакал, а он стоял рядом и молча гладил.

Содержание

Автобиография	7
Собака	13
Детство	25
Больничка	39
Школа	55
Завещание	71
Бабушка	77
Макары	87